

АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Королева Марго

Читай и понимай без словаря

Александр Дюма Королева Марго. Англо- русская билингва

<https://litres.ru/74488903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хотите читать исторические романы на английском с переводом?

Эта книга устроена просто: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь, не теряете нить и не отвлекаетесь от сюжета. Читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Королева Марго» — роман Александра Дюма о любви, власти и заговорах. Здесь есть королевские интриги, опасные союзы и страсти, которые сильнее политики. Сюжет держит в напряжении, а вы и не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

Содержание

Глава

6

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Александр Дюма Королева Марго. Англо- русская билингва

Глава

**АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ
Александр Дюма
Королева Марго**

Хотите читать исторические романы на английском с переводом?

Эта книга устроена просто: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь, не теряете нить и не отвлекаетесь от сюжета. Читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Королева Марго» — роман Александра Дюма о любви, власти и заговорах. Здесь есть королевские интриги, опасные союзы и страсти, которые сильнее политики. Сюжет держит в напряжении, а вы и не замечаете, как английский становится понятнее с каждой страницей.

Читайте про себя, чтобы привыкнуть к языку. Читайте вслух, чтобы слышать английскую речь и снимать языковой барьер. Каждое прочитанное предложение — маленький шаг к свободному чтению.

А если кто-то скажет, что сначала нужно выучить грамматику, вспомните: по-русски мы заговорили раньше, чем узнали, что «жи» и «ши» пишутся с буквой «и».

© Самойлов А.Г., 2026г.

Alexandre Dumas Александр Дюма
Queen Margot Королева Марго

Part One Часть первая

I

Duke of Guise's Latin Латинский язык герцога Гиза

August 18, 1572 was a Monday, but a great celebration was being held at the Louvre. Восемнадцатого августа 1572 года был понедельник, но в Лувре справляли большое празднество.

The usually dark windows of the ancient royal residence were brightly lit, and the neighboring streets and squares, usually empty as soon as the bell at the church of Saint-Germer-l'Ozeroy struck nine o'clock in the evening, were now teeming with people even at midnight. Ярko светились обычно темные окна старинного королевского жилища, а соседние улицы и площади, как правило пустевшие, едва лишь колокол на церкви Сен-Жермер-Л'Озерау бил девять часов вечера, кишели теперь народом даже в полночь.

The dense, menacing, noisy crowd resembled a dark, surging sea, from which came the roar of the incoming surf; the human waves, breaking through the rue Fossé-Saint-Germer and the rue Astruc, flooded the embankment, flowed against the walls of the Louvre and flowed back to the base of the Palais Bourbon, which stood opposite. Густая, грозная, шумливая толпа напоминала темное зыблущееся море, откуда неся рокот набегавшего прибоя; людские волны, прорываясь сквозь улицу Фосе-Сен-Жермер и улицу Астрюс, заливали набережную, приливали к стенам Лувра и отливали к цоколю Бурбонского дворца,

стоявшего напротив.

Despite the royal celebration, or perhaps because of it, something ominous was felt in the crowd of people who were present as outside spectators, but firmly believed that this celebration was only a prologue to another celebration, postponed for a week, where the people themselves would be welcome guests and would revel in full force. Несмотря на королевский праздник, а может быть, и по его причине, что-то грозное чувствовалось в толпе народа, который присутствовал на нем как посторонний зритель, но твердо верил, что этот праздник лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где сам народ будет желанным гостем и разгуляется вовсю.

The royal court celebrated the wedding of Margaret of Valois, daughter of the late King Henry II and sister of the reigning King Charles IX, with Henry of Bourbon, King of Navarre. Королевский двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери покойного короля Генриха II и сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. In the morning, the Cardinal of Bourbon, having performed the marriage ceremony established for the heirs of the French royal house, married the newlyweds on a platform erected in front of the gates of Notre Dame Cathedral. Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, установленный для наследниц французского царствующего дома, обвенчал брачующихся на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Па-

рижской Богоматери.

This marriage amazed everyone, and made people who were able to see deeper think hard; the rapprochement of two parties so hated by each other as the Protestant and Catholic parties were at that time seemed impossible. Этот брак изумил всех, а людей, способных видеть глубже, заставил сильно призадуматься; сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в это время протестантская и католическая партии, казалось невозможным. It was asked how the young Prince of Conde could forgive the king's brother, the Duke of Anjou, for the death of his father, killed at Jarnac by Captain Montesquiou, or how the young Duke of Guise could forgive Admiral Coligny for the death of his father, killed at Orleans by the Huguenot nobleman Poltrot de Méré. Спрашивалось, как может молодой принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, убитого в Жарнаке капитаном Монтестью, или как молодой герцог Гиз простит адмиралу Колиньи смерть своего отца, убитого в Орлеане дворянином-гугенотом Польтро де Мере. Moreover, Queen Joan of Navarre, the courageous wife of the weak-willed Antoine of Navarre, who had betrothed her son to Margaret of Valois, had died some two months ago, and suspicious rumors were circulating about the cause of her sudden death. Больше того: королева Жанна Наваррская, мужественная супруга безвольного Антуана Наваррского, сосватавшая своего сына за Маргариту Валуа, умерла каких-нибудь два месяца то-

му назад, и о причине ее внезапной смерти ходили подозрительные слухи. Everywhere they were whispering, and in some places even loudly, that Queen Joan had learned some terrible secret and that Catherine de Medici, fearing revelations, poisoned Queen Joan with poisonous scented gloves, which a certain Florentine named René, a great master of such things, had made for her. Повсюду говорили шепотом, а кое-где и громко о том, что королеве Жанне стала известна какая-то страшная тайна и что Екатерина Медичи, боясь разоблачений, отравила королеву Жанну ядовитыми душистыми перчатками, которые ей изготовил некий флорентиец по имени Рене, большой мастер на дела такого рода. The spread and confirmation of all these rumors was facilitated by the fact that after the death of the queen, two doctors, including the famous Ambroise Paré, were instructed, at the request of her son, to dissect and examine the body of the queen, but not to touch the brain. Распространению и утверждению всех этих слухов способствовало то обстоятельство, что после смерти королевы двум медикам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, было поручено, по просьбе ее сына, вскрыть и обследовать тело королевы, но не касаться мозга. And since Joan was poisoned by means of smell, only in the brain of the deceased could traces of the crime committed be found. А так как Жанна была отравлена посредством запаха, то лишь в мозгу умершей могли быть обнаружены следы содеянного преступления. Precisely a crime, since no one doubted that a crime had

taken place here. Именно преступления, поскольку никто не сомневался, что здесь имело место злодеяние.

In the morning, Cardinal Bourbon, having performed the marriage ceremony, married the newlyweds on a platform erected in front of the gates of Notre Dame Cathedral... Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, обвенчал брачующихся на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери...

But that is not all: King Charles himself was relentlessly, almost persistently, striving to arrange this marriage, which was not only supposed to establish peace in the kingdom, but also to attract all the prominent Protestant leaders to Paris. Но это далеко не все: сам король Карл неуклонно, почти настойчиво, стремился устроить этот брак, который должен был не только установить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех видных протестантских главарей. Since the groom was a Protestant and the bride a Catholic, it was necessary to ask permission for the marriage from Gregory XIII, who occupied the papal throne at that time. Так как жених был протестант, а невеста католичка, то требовалось испросить разрешение на брак у Григория XIII, в то время занимавшего папский престол. The permission was delayed, and this greatly worried Jeanne d'Albret, who once, in a conversation with Charles, expressed fear that the permission might not come at all; but the king replied: Разрешение задерживалось, и это сильно беспокоило Жанну д'Альбре, которая однажды в разговоре с

Карлом выразила опасение насчет того, что разрешение, пожалуй, не придет совсем; но король ответил:

- Dear aunt, don't worry, I respect you more than papa, and I love my sister more than I fear him. – Милая тетушка, не беспокойтесь, вас я уважаю более, чем папу, а сестру люблю больше, чем боюсь его. I'm not a Huguenot, but I'm not a fool either, and if Mister Papa starts acting up, I'll take Margot by the hand myself and lead her to marry your son in a Protestant ceremony. Я не гугенот, но и не дурак, и если господин папа задурит, то я сам возьму за руку Марго и поведу ее венчаться с вашим сыном по протестантскому обряду.

From the Louvre these words spread throughout the city, greatly delighting the Huguenots, greatly perplexing the Catholics and causing secret conversations among the latter about whether the king was really betraying them or playing out a comedy that would one fine day or fine night end with an unexpected denouement. Из Лувра эти слова разнеслись по городу, очень обрадовали гугенотов, сильно озадачили католиков и вызвали среди последних тайные разговоры о том, изменяет ли им король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь закончится неожиданной развязкой.

What was especially incomprehensible was the attitude of Charles IX towards Admiral Coligny, who had been waging a bitter war against the King for five or six years: before this rapprochement, the King had appointed a reward of fifty

thousand crowns in gold for the Admiral's head, but now he practically swore by his name, called him his father, and declared publicly that he alone would be entrusted with the conduct of the coming war in Flanders; even Catherine de Medici herself, who had hitherto directed the will, actions, even the intentions of the young King, began to be truly alarmed, and not without reason: the fact is that Charles IX, in a conversation with the Admiral about the Flanders War, declared to him in a fit of frankness: Что было особенно непостижимо – это отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел ожесточенную войну против короля: до этого сближения король назначил пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь же чуть не клялся его именем, называл своимотцами во всеуслышание заявлял, что только одному ему поручит ведение предстоящей войны во Фландрии; даже сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая волю, действия, даже намерения молодого короля, начала тревожиться по-настоящему, и не без причины: дело в том, что Карл IX как-то в беседе с адмиралом о Фландрской войне заявил ему в порыве откровенности:

"Father, there is one circumstance here that requires great caution: as you know, the Queen Mother sticks her nose into everything, but she knows nothing about this matter yet; therefore, we will have to conduct it secretly - so that the Queen does not even suspect it, otherwise, with her quarrelsomeness, she will ruin everything for us. – Отец, тут есть одно обстоя-

тельство, которое требует большой осторожности: как вам известно, королева-мать сует свой нос во все, но об этом деле пока не знает ничего; поэтому нам надо будет вести его скрытно – так, чтобы королева о нем даже и не подозревала, а то с ее сварливостью она нам все испортит.

Coligny, with all his intelligence and experience, could not yet completely hide the confidence placed in him by the king. Колиньи, при всем своем уме и опытности, все же не мог скрыть полностью оказанное ему королем доверие. He arrived in Paris with extreme suspicion, and when he left Châtillon, a peasant woman begged him on her knees: “Oh, our good lord, do not go to Paris; death awaits you there, and everyone who goes with you!” В Париж он прибыл с крайней подозрительностью, да и когда выезжал из Шатийона, одна крестьянка молила его на коленях: «О добрый господин наш, не ездь ты в Париж; и тебя, и всех, кто поедет с тобой, ждет там смерть! But little by little, all suspicions dissipated, both in him and in his son-in-law de Téligny, to whom the king showed the most friendly feelings, calling him brother, as he called the admiral father, and addressed him as “thou”, which he used only for his closest friends. » Но мало-помалу все подозрения рассеялись и у него, и у его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, звал его обратом, как звал отцом адмирала, говорил ему «ты», чем отличал он только самых близких своих друзей.

As a result, all the Huguenots, with the exception of a few

sullen and distrustful people, were completely calmed down: the death of the Navarre queen was attributed to pneumonia, and the spacious halls of the Louvre were crowded with courageous Huguenots, to whom the marriage of Henry, their young leader, promised an unexpectedly happy turn of fate. В результате все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых людей, совершенно успокоились: смерть наваррской королевы стали приписывать воспалению легких, и в просторных залах Лувра толпились мужественные гугеноты, которым брак Генриха, их юного вождя, сулил неожиданно счастливый поворот судьбы. Admiral Coligny, La Rochefoucauld, the Prince of Condé-junior, de Téliigny - in a word, all the leaders of the party rejoiced, seeing how they were received, what enormous weight acquired in the Louvre by those very people whom three months ago the king and Catherine de Medici were going to hang on special gallows, higher than ordinary murderers. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи – словом, все главари партии торжествовали, видя, как были приняты, какой огромный вес приобретали в Лувре те самые люди, которых три месяца назад король и Екатерина Медичи собирались вешать на особых виселицах, повыше, чем простых убийц. Only Marshal de Montmorency alone would have been sought in vain among his comrades - he could neither be lured by promises nor deceived by ostentatious feelings, and he sat down in his castle d'Isle-Adam, excusing his seclusion by grief for his father, Constable Anne

de Montmorency, who had been killed with a pistol by Robert Stewart at the Battle of Saint-Denis. Одного только маршала де Монморанси напрасно стали бы искать среди его собратий – его нельзя было ни заманить обещаниями, ни обмануть показными чувствами, и он засел у себя в замке д'Иль-Адан, извиняя свое отшельничество скорбью об отце, коннетабле Анн де Монморанси, которого убил из пистолета Роберт Стюарт в сражении при Сен-Дени. But since more than three years had passed since this event, and sensitivity was not in the spirit of the time, everyone could think whatever they wanted about such an excessively long period of mourning. Но так как со времени этого события прошло более трех лет, а чувствительность была не в духе того времени, то каждый мог думать по поводу такого чрезмерно продолжительного траура что угодно.

Moreover, everything spoke against Marshal de Montmorency: the queen, the king, the Duke of Anjou, and the Duke of Alençon all received their guests with remarkable hospitality at this royal celebration. К тому же все говорило против маршала де Монморанси: и королева, и король, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский – все замечательно радушно принимали своих гостей на этом королевском празднестве.

The Huguenots themselves praised the Duke of Anjou, quite deservedly, for the battles of Jarnac and Moncontour, which he won at the age of not yet eighteen years old, before Caesar and

Alexander the Great began their victories, and indeed it turned out that he was superior to those victors at Issus and Pharsalus. Сами гугеноты хвалили герцога Анжуйского, вполне заслуженно, за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, имея от роду неполных восемнадцать лет, — раньше, чем начали свои победы Цезарь и Александр Македонский, да и вообще оказывалось, что он выше этих победителей при Иссе и Фарсале. The Duke of Alençon looked on everything with a kind and false glance; Queen Catherine beamed with joy and with cloying politeness congratulated Henry of Condé on his recent marriage with Marie of Cleves; even the Guises smiled at the terrible enemies of their house, and the Duke of Mainz discussed with Tavans and Admiral Coligny the coming war, which they were ready to declare against Philip II, King of Spain. Герцог Алансонский посматривал на все взглядом ласковым и лживым; королева Екатерина сияла радостью и с приторной любезностью поздравляла Генриха Конде с недавнею его женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались страшным врагам их рода, и герцог Майнцский обсуждал с Таваном и адмиралом Колиньи предстоящую войну, которую были готовы объявить Филиппу II, королю Испанскому.

Among the guests, who had broken up into groups, a young dark-haired man of about nineteen wandered about, his head slightly bowed and listening to the conversations going on around him, with an intelligent look, a sly smile, an aquiline nose, short-cropped hair, bushy eyebrows, and a barely visible mustache

and beard. Среди гостей, разбившихся на группы, бродил, слегка потупив голову и вслушиваясь в разговоры, происходившие вокруг, юный брюнет лет девятнадцати, с умным взглядом, лукавою улыбкой, с орлиным носом, коротко подстриженными волосами, густыми бровями, едва пробившимися усиками и бородой. This young man, who had so far distinguished himself only in the battle of Arnay-le-Duc, where he had fought bravely, without sparing himself, and who now accepted congratulations from all sides, was the favorite pupil of Admiral Coligny and the hero of the day; quite recently, during the lifetime of his mother, he was called Prince of Béarn, and after her death he inherited the title of King of Navarre, until he became King of France - Henry IV. Этот молодой человек, успевший отличиться пока лишь в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший поздравления со всех сторон, был любимый ученик адмирала Колиньи и герой сегодняшнего дня; совсем недавно, при жизни своей матери, он звался принц Беарнский, а после ее смерти наследовал титул – король Наваррский, пока не стал королем Франции – Генрихом IV.

At times a dark cloud would suddenly darken his brow: he was obviously remembering the death of his mother, who had died some two months before, and he was more certain than anyone else that her death was due to poison. Временами темное облачко вдруг омрачало его лоб: очевидно, он вспоминал смерть матери, умершей каких-нибудь два месяца тому назад, и был

уверен больше всех в том, что смерть ее последовала от отравы. But this cloud only passed like a light shadow, quickly dissipating; it came from the fact that the people who were now crowding around Henry, talking to him and congratulating him, were all the murderers of the courageous Jeanne d'Albret. Но это облачко лишь проносилось легкой тенью, быстро расплывалось; оно набегало оттого, что люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, все были убийцами мужественной Жанны д'Альбре.

While the King of Navarre was trying to pretend to be cordial and cheerful, the young Duke of Guise stood nearby, thoughtful, almost anxious, and engaged in conversation with Téligny. В то время как король Наваррский старался притвориться радушным и веселым, неподалеку от него стоял задумчивый, почти тревожный, молодой герцог Гиз и вел беседу с Телиньи. The Duke had been luckier in life than the Béarnian: at twenty-two years old, he enjoyed almost the same fame as his father, the powerful François de Guise. Герцогу повезло в жизни больше, нежели Беарнцу: в двадцать два года он пользовался почти такой же славой, как и отец его, могущественный Франсуа де Гиз. In appearance, he was also an elegant nobleman, tall in stature, with an arrogant, proud look, with such natural majesty that, in the opinion of many, all the other nobles seemed like peasants in his presence. Он и по внешности был изящный вельможа, высокий ростом, с надменным, гордым взглядом, с такой природной величавостью, что, по мнению мно-

гих, все прочие вельможи в его присутствии казались мужиками. Despite his youth, the entire Catholic party saw him as their leader, just as the Protestant party saw their leader in the young King of Navarre. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестантская партия видела своего вождя в юном короле Наваррском.

The Duke of Guise originally bore the title of Duke of Joinville and received his first baptism of fire during the siege of Orleans under the command of his father, who died in his arms, blaming Admiral Coligny as his murderer. Первоначально герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под начальством своего отца, который и умер на его руках, указав на адмирала Колиньи как на своего убийцу.

Then the young duke, like Hannibal, solemnly swore an oath: he swore to take revenge on the admiral and his entire family for the death of his father, to mercilessly and tirelessly pursue the enemies of his religion, and promised God to become his warrior angel on earth until the day the last heretic was exterminated. Тогда же юный герцог, подобно Аннибалу, торжественно дал клятву: он клялся отомстить и адмиралу, и всей его семье за смерть отца, безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии, обещал Богу стать его ангелом-воителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. Now everyone watched with great amazement as this

prince, usually true to his word, shook hands forever with his sworn enemies and, having given his dying father a vow to punish the admiral with death, now had a friendly conversation with his son-in-law. Теперь же все с великим изумлением смотрели, как этот принц, обычно верный данному им слову, пожимает руки навек заклятым врагам своим и, дав умирающему отцу обет наказать адмирала смертью, теперь приятельски ведет беседу с его зятем.

But we have already said that it was an evening full of surprises. Но мы уже сказали, что это был вечер, полный неожиданностей.

Indeed, if a particularly gifted observer, capable of seeing the future, which fortunately is not given to people, and capable of reading souls, which, unfortunately, is given only to God, were to suddenly find himself at this celebration, then he would, of course, enjoy the most curious spectacle that the entire chronicle of the sad human comedy can present to us. Действительно, если бы особо одаренный наблюдатель, способный видеть будущее, что людям, к счастью, не дано, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, вдруг очутился на этом торжестве, то он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое только может нам представить вся летопись печальной человеческой комедии.

But if such an observer was not to be found in the galleries of the Louvre, he was there in the street, where his murmur resounded menacingly and his eyes sparkled with anger: it was

the people, with their instincts sharpened to the utmost by hatred; they looked from afar at the silhouettes of their implacable enemies and interpreted their feelings as simply as a passer-by does, gazing into the closed windows of a dancing hall. Но если такого наблюдателя не оказалось на галереях Лувра, зато он был на улице, где грозно раздавался его ропот и гневом искрились его глаза: то был народ, с его инстинктом, предельно обостренным ненавистью; он издали глядел на силуэты непримиримых врагов своих и толковал их чувства так же простодушно, как это делает прохожий, глаза в закрытые окна зала, где танцуют. The music captivates and guides the dancers, and the passer-by sees only the movements and, not hearing the music, laughs at how these puppets jump and fuss without any apparent reason. Музыка увлекает и ведет танцоров, а прохожий видит одни движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как эти марионетки скачут и суетятся без видимой причины.

The music that carried the Huguenots away was the voice of their satisfied pride, and the eyes of the Parisians, sparkling in the darkness of the night, were lightning bolts of hatred illuminating the events to come. Музыкой, увлекавшей гугенотов, был голос их удовлетворенной гордости, а взоры парижан, сверкавшие во мраке ночи, были молниями ненависти, озарявшими грядущие события.

In the palace, however, everything was as joyful as before, and even more so; throughout the Louvre, a particularly caressing

and soft voice echoed, accompanying the appearance of the newlywed: having removed her wedding dress, long veil and mantle, she entered the hall together with the Duchess of Nevers, her closest friend, and with her brother, Charles IX, who led her by the hand and presented her as the most honored of the guests. Во дворце же все было радостно по-прежнему и даже больше; по всему Лувру пронесся особенно ласкающий и мягкий говор, сопровождавший появление новобрачной: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, она входила в зал вместе с герцогиней Невэрской, самой близкой ее подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным из гостей.

This newlywed, the daughter of Henry II, Margaret of Valois, was the pearl in the crown of France, and Charles IX, who had a special affection for her, usually called her "little sister Margot." Эта новобрачная – дочь Генриха II, Маргарита Валуа – была жемчужиной в короне Франции, и Карл IX, питавший к ней особенную нежность, обычно звал ее «сестричкою Марго».

The young Navarrese queen truly deserved an enthusiastic welcome. Восторженная встреча была действительно заслужена юной наваррской королевой. Margaret was barely twenty years old, but all the poets wrote laudatory verses to her, comparing her sometimes to Aurora, sometimes to Cythera. Маргарите исполнилось едва лишь двадцать лет, но все поэты писали ей хвалебные стихи, сравнивая ее то с Авророй, то с Киферой. She had no rivals in beauty, even here, at a court

where Catherine de Medici tried to select the most beautiful women she could find for the role of her sirens. По красоте ей не было соперниц даже здесь, при таком дворе, где Екатерина Медичи старалась подбирать на роль своих сирен самых красивых женщин, каких только могла она найти. Black-haired, with a wonderful complexion, a sensual expression in her eyes framed by long eyelashes, with an elegant scarlet mouth and a slender neck, with a luxurious flexible figure and small, childish feet in satin slippers - this is how Margaret of Valois appeared. Черноволосая, с замечательным цветом лица, чувственным выражением глаз, обрамленных длинными ресницами, с изящным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и с маленькими, детскими ногами в атласных туфельках – такой предстала Маргарита Валуа. The French were proud that their native soil had grown this amazing flower, and foreigners, having visited France, returned to their homeland dazzled by the beauty of Margaret, if they had only seen her, and amazed by her education, if they had the opportunity to talk with her. Французы гордились тем, что их родная почва взрастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красою Маргариты, если им приходилось только пови-
дять ее, и пораженные ее образованием, если им удавалось с ней поговорить. And in fact, Margaret was not only the most beautiful, but also the most educated of modern women; that is why they often recalled the phrase of an Italian scholar who was

introduced to her, talked with her for a whole hour in Italian, Spanish, Greek and Latin and, leaving her, said enthusiastically: "To visit the court without having seen Margaret of Valois means not having seen either France or the French court." И в самом деле, Маргарита была не только самой красивой, но и самой образованной из современных женщин; вот почему нередко вспоминали фразу одного итальянского ученого, который был ей представлен, беседовал с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни и, выйдя от нее, восторженно сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа, – значит не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.